

Е. К. Минеева, А. П. Зыкина, Т. Н. Иванова

Модернизация системы школьного образования в национальных автономиях Среднего Поволжья в 1920-е гг.

Минеева Елена Константиновна

д-р ист. наук,
проф., Чувашский
государственный
университет
им. И. Н. Ульянова
(Чебоксары, Россия)

Зыкина

Алевтина Петровна

канд. пед. наук,
доц., Чувашский
государственный
университет
им. И. Н. Ульянова
(Чебоксары, Россия)

Иванова

Татьяна Николаевна

д-р ист. наук,
проф., Чувашский
государственный
университет
им. И. Н. Ульянова
(Чебоксары, Россия)

Октябрьская революция 1917 г. привела к власти политические силы, которые приступили к созданию принципиально нового общественно-политического строя. Советское правительство разработало оригинальную политику в области образования, предусматривавшую упразднение старых и создание новых органов управления школой. Кроме того, в организации учебных занятий новая власть первоначально отказалась от обязательных заданий на дом, выставления отметок, проведения экзаменов и т. д.

Ситуация в сфере образования по состоянию на октябрь 1917 г. в России была достаточно сложной. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., грамотных оказалось всего 21,1 %. Среди мужчин показатель равнялся 29,3 % среди женщин — 13,1 %. Существенно различался уровень грамотности городских и сельских жителей: 45,3 и 17,4 % соответственно¹. Образование выше начального имели всего 1,3 млн чел. или 1,1 % населения страны. Численность жителей, приобщенных к грамоте, отличалась не только по регионам, но и среди различных этносов большой державы. Средний показатель по ее Европейской части в целом равнялся 22,9 %. В большинстве же регионов указанный процент был ниже. Так, например, на Кавказе он составлял 12,4, в Сибири — 12,35, а в Средней Азии — 5,26 %². Аналогичная тенденция сохранялась и в начале XX в. По информации на 1 января 1911 г., в России проживало 163 919 тыс. чел. (без данных по Финляндии). Учебой в начальной школе по средним подсчетам было охвачено всего 4,04 % ее жителей. Указанный показатель,

безусловно, различия по губерниям. Местами, например в Рижском учебном округе, он был гораздо выше и составлял 6,25 %, а где-то значительно ниже — 0,17 % в Средней Азии³.

В Казанской губернии средний коэффициент образованности населения приравнялся к 17,9 %. Высокие показатели по губернии имели города: Казань — 51,4 %, Свияжск — 52,5 %, Царевококшайск — 60,9 %. В уездах же грамотность была значительно ниже. В тех из них, основным контингентом которых являлись чуваша, процент был самым низким: в Цивильском — 10,4 %, Чебоксарском — 14,1 %, Ядринском — 8,1 %⁴. Наиболее высоким уровнем отличалось татарское население: среди мужчин — 21,67 %, среди женщин — 17,73 %. Чуваша имели соответственно — 13,22 и 1,05 % обученных грамоте, марицы — 18,34 и 2,19 %, мордва — 15,5 и 1,5 %⁵.

Необходимость реформирования в России системы школьного образования сознавали государственные деятели как царского режима, так и Временного правительства. Однако сложная социально-экономическая ситуация в стране в начале столетия, затем вступление империи в Первую мировую войну, революционные события 1917 г. не позволили им реализовать этот замысел.

Настоящее исследование посвящено становлению новой советской школы в результате прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. на той части Среднего Поволжья, в состав которой в условиях советского времени входили Марийская и Чувашская автономии, соответствующие современным национальным республикам Марий Эл и Чувашия. Выбор регионов обусловлен, помимо их соседствующего расположения, тем, что по ряду исторических предпосылок (к сожалению, далеко не всегда благоприятных для их развития) они имели общие черты. Имеется в виду заметная экономическая и культурная отсталость по сравнению с центральными промышленными районами России. Данные автономии представляли собой аграрные территории, большинство населения которых составляли крестьяне. Низкий показатель грамотности среди крестьян, недостаток материальных и финансовых ресурсов, отсутствие или малочисленность педагогических кадров (прежде всего из представителей местных народов), консервативность взглядов сельского населения и т. п. мешали проведению здесь модернизационных процессов в сфере школьного образования на протяжении 1920-х гг.

Еще один национальный регион на территории Среднего Поволжья, Мордовия, в статье не рассматривается, поскольку формирование Мордовской автономии растянулось на долгие годы — только 10 января 1930 г. была образована Мордовская автономная область. Также не стали объектом настоящего исследования преобразования, происходившие в татарских школах, которые существенно отличались от начальных учебных заведений мари и чувашей. В данном случае речь идет о значительном влиянии на все сферы жизни татар религиозного фактора, поскольку большая часть детей школьного возраста на территории будущей Татарской АССР получала образование в религиозных школах. Советская власть не решилась вступить сразу же в открытый конфликт с религиозными воззрениями народов. Кроме того, казанские татары в начале

XX в. в отличие от других народов Среднего Поволжья обладали достаточно зрелым уровнем самосознания, самоидентификации (единственный народ Среднего Поволжья, имевший в средневековье собственное государство — Казанское ханство), культуры, но главное — особой силой духовного объединения — исламом. Мари и чувашей в то время роднили последствия угнетения «инородцев», политики русификации и христианизации со стороны самодержавия (отсюда их низкая степень политической, социально-экономической и культурной зрелости), общее в рамках региона историческое прошлое, распространение элементов язычества и т. д.⁶

Взятые за основу национально-территориальные автономии были образованы приблизительно в одно и то же время: 24 июня 1920 г. была создана Чувашская автономная область (ЧАО), 4 ноября 1920 г. — Марийская автономная область (МАО). Отметим, что с возникновением автономий народы, их населявшие, получили больше возможностей для решения задач социально-экономического и культурно-просветительского развития.

Изучение проблемы показывает, что при наличии значительной историографической базы по истории советского периода 1920-х гг., связанной со становлением нового государственного строя, историческая литература по формированию системы школьного, особенно регионального образования, весьма ограничена. Следует отметить, что некоторые аспекты заявленной темы исследователями уже рассматривались. Частично деятельность новой власти по созданию советской школы получила освещение в работах Л. А. Ефимова, Е. К. Минеевой, Т. С. Сергеева, Н. С. Степанова и др.⁷

Настоящее исследование выполнено на основе опубликованных и неопубликованных источников. К последней группе относятся материалы пяти региональных и одного центрального архивов: Государственного архива Республики Марий Эл (ГАРМЭ), Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), Государственного архива социальной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР), Государственного архива Ульяновской области (ГА УО), Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Использованные источники представляют собой протоколы заседаний партийных органов, собраний и конференций учителей, отчеты, докладные записки, справки органов управления образования и др. В них отражены изменения, происходившие в деятельности школ в рассматриваемый период.

Тщательный анализ имеющейся исследовательской литературы и исторических источников позволил выявить и охарактеризовать как положительные результаты, так и ошибки, допущенные в ходе модернизации системы школьного образования. Особое внимание уделено специфике реформы общеобразовательной школы в 1920-х гг. в национальных регионах страны. Это, прежде всего, более продолжительный срок обучения в школах I ступени по сравнению с русскоязычными учебными заведениями. Чаще всего чувашские и марийские дети учились в школах на год больше, поскольку это время отводилось на изучение русского языка. Следует подчеркнуть, что по истории становления марийской советской школы специальных исследований не проводилось. По-

этому можно утверждать, что в данной статье впервые в исторической науке предпринята попытка комплексного изучения проблемы.

К решительным действиям по модернизации сферы образования советская власть приступила с первых дней своего существования. На практике изменения прежде всего коснулись органов управления учебными заведениями. Так, в ноябре 1917 г. большевики упразднили созданный Временным правительством Государственный комитет по народному образованию, на смену которому 9 ноября 1917 г. учредили Государственную комиссию по просвещению. Ей и было поручено заняться строительством новой советской школы⁸. Ее исполнительным органом определялся Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РСФСР во главе с А. В. Луначарским⁹. С начала 1918 г. старые руководящие должности в системе образования (попечитель учебного округа, директор и инспектор народных училищ и др.) были заменены новыми (председатели, секретари педагогических советов)¹⁰.

В России до 1917 г. существовала разветвленная система школьного образования. В первую очередь, это касалось начального звена. Оно было представлено различными типами школ (по продолжительности обучения, объему получаемых знаний, подчиненности тому или иному ведомству и размеру финансирования). Основную часть начальных учебных заведений контролировали Министерство народного просвещения и Синод. Министерство контролировало приходские, городские и земские училища. Когда мы говорим об учебных заведениях, подчинявшихся духовному ведомству, то имеем в виду не школы, предоставлявшие религиозное образование, а те из них, которые выполняли функцию общеобразовательной школы. К ним относятся церковноприходские училища, школы грамоты и др.¹¹ В досоветской школе отсутствовала преемственность между ее начальным и средним звеньями. Такая обстановка в сфере образования создавала лишние трудности на пути реализации единой образовательной политики. Поэтому Государственная комиссия и Наркомпрос изначально занялись унификацией образовательных учреждений и централизацией управления их деятельностью.

В этой связи 23 февраля 1918 г. было принято постановление о переводе абсолютно всех (от начальных до высших) учебных заведений, независимо от их ведомственной принадлежности, под контроль Наркомпроса¹². В собственности комиссариата перешла и вся материально-техническая база школ. То есть абсолютно все учебные заведения теперь становились государственными, что предполагало централизованное управление и финансирование.

Важными документами, регулировавшими организацию школьного образования, являлись законы, принятые Совнаркомом РСФСР: о равноправии языков (31 декабря 1918 г.), об отделении церкви от государства (20 января 1918 г.)¹³, о ликвидации неграмотности населения по всей стране¹⁴ и др. Кардинальные перемены в системе народного образования начались с утверждения «Основных принципов единой трудовой школы РСФСР» («Декларации») и «Положения о единой трудовой школе РСФСР» (сентябрь — октябрь 1918 г.), регламентировавших жизнь и деятельность новых общеобразовательных учреждений.

Все учебные заведения с этого времени стали именоваться «единой трудовой школой», включавшей две ступени: I ступень предназначалась для детей 8–13 лет, II — 13–17 лет. В основу их работы были положены следующие принципы: преемственность, бесплатность, светскость, совместное обучение мальчиков и девочек¹⁵. Таким образом, впервые в истории Российского государства все дети независимо от социального происхождения, половой принадлежности и конфессиональных различий получили право на общее образование. Еще одним новшеством советской школы стало право всех этносов РСФСР обучать детей на родном языке¹⁶.

Решения, принимавшиеся в центре, на местах претворялись в жизнь с разным успехом и с неодинаковой скоростью. В соответствии с положением «Об организации дела народного образования в РСФСР» при исполкомах Советов рабочих и крестьянских депутатов в 1917–1918 гг. создавались уездные, волостные отделы народного образования (уоно, воно). Уисполкомы принимали решения о реорганизации земств и их учреждений, на смену которым приходили комиссариаты просвещения, здравоохранения и др. Так создавались новые руководящие органы образования. Например, в Чебоксарском уезде отдел народного просвещения появился в мае 1918 г.¹⁷

Исторические документы свидетельствуют, что «для местностей с иноязычным населением организовывались школы с преподаванием на родном языке учащихся, но русский язык являлся обязательным предметом изучения»¹⁸. В таких школах срок обучения продлевался на один год. Поэтому в национальных регионах преимущественно была представлена «шестилетняя школа, дававшая элементарную грамотность и первоначальное общественное воспитание; она соответствовала пятилетней русской. Как правило, состояла из двух групп или первого и второго годов обучения (либо второго и четвертого)»¹⁹.

Изменения в сфере школьного образования коснулись также форм и методов работы. Учителям рекомендовалось более активно использовать лабораторные занятия, подготовку рефератов, экскурсии, ученические собрания вместо традиционной классно-урочной формы организации занятий. В новой школе вместо деления на классы вводилось деление на группы по степени подготовленности учащихся, отменялись домашние задания, «балльная система оценки познания и поведения учащихся во всех без исключения случаях школьной практики»²⁰. Все виды наказаний в отношении детей были упразднены. При отсутствии экзаменов вопросы перевода учащихся из класса в класс и выдачи свидетельства производились на основании их успехов и отзывов педагогического совета²¹.

Надо отметить, что внедрение в школьную жизнь новшеств по организации учебного процесса вызывало недовольство большинства учителей. Примеры подобного отношения зафиксированы в ряде архивных документов. Например, инспектор Н. Скобелев, проверяя учебные заведения Симбирского уезда в начале 1919 г., в отчете отмечал, что перехода к новым формам и методам работы еще нет, работа школ организована по-старому²². По словам самих педагогов, сложнее ситуация обстояла в сельских школах. Например, коллегия отдела народного образования Симбирской губернии в мае 1919 г.

рассмотрела письмо учительницы М. Неверовой, которая писала о том, что «единая трудовая школа не пришла, нет ни литературы, ни газет, обучение приходится вести еще по старым программам»²³.

С образованием автономий решение задачи по строительству советской школы в национальных регионах Советского государства перешло в их компетенцию. Однако сразу же по факту их появления добиться серьезных перемен в реализации этой сложной задачи автономии не могли. Требовался восстановительный период после событий Гражданской войны, который в зависимости от внутренних и внешних обстоятельств у разных автономных образований был короче или длиннее. Например, Марийской области, население которой, как и Чувашии, отличалось социально-экономической патриархальностью и отсутствием национальных кадров, понадобилось несколько лет, прежде чем она сумела в основном преодолеть значительные трудности, сдерживавшие ее развитие. Сказался и голод, затормозивший все поступательные процессы автономий Среднего Поволжья.

На стадии организации ЧАО высшим органом власти стал Революционный комитет (ревком). В качестве одного из важных направлений его деятельности отмечалось и народное образование²⁴. В составе ревкома ЧАО появился отдел народного образования, его первым председателем стал А. Т. Ласточкин²⁵, в 1922 г. эту должность занял С. П. Павлов, чуть позже — П. И. Иванов²⁶. С 11 ноября 1920 г. отдел стал называться отделом народного образования исполкома Совета рабочих и красноармейских депутатов ЧАО²⁷. Отдел народного образования Марийской АО начал свою деятельность 1 февраля 1921 г. Задачи, ставившиеся для решения перед новым органом управления, аналогичны тем, которые указывались выше применительно к отделу ЧАО²⁸.

В структуру руководящих органов управления народным образованием в национальных областях входили отделы (финансовый, статистический, организационно-инструкторский) и подотделы (единой школы, профессионального образования и т. п.). В 1920–1921 гг. положение дел было непростым: отделы не имели стабильного состава работников, происходили регулярные изменения в структуре (одни единицы ликвидировались, а другие, наоборот, появлялись), также отмечалась текучесть кадров.

На начальном этапе развития автономий Среднего Поволжья одним из главных направлений их деятельности стала борьба с безграмотностью населения и проведение в связи с этим мероприятий по налаживанию системы школьного образования, а также политика коренизации, в соответствии с которой значительное внимание уделялось подготовке национальных кадров. Неслучайно Облисполком ЧАО 18 ноября 1920 г. издал постановление, адресованное отделу народного образования. Исполком настаивал на том, чтобы ликбез в области проводился в «боевом порядке», для чего при отделе народного образования автономии организовывалась чрезвычайная комиссия из пяти человек в составе представителей от облисполкома, обкома партии, политпросвета, союза работников просвещения и социалистической культуры, всеобуча. В связи с особой важностью она отчитывалась перед Всероссийской чрезвычайной комиссией по ликвидации безграмотности и перед

облисполкомом ЧАО²⁹. Комиссия создавала свои подразделения при уездных и волостных отделах народного образования. Ликбез в Чувашии планировалось начать с 1 декабря 1920 г. К обучению, в первую очередь, привлекалось неграмотное население в возрасте от 14 до 25 лет без исключения, во вторую (в весеннюю сессию) — от 25 до 39 лет.

Июльский пленум облисполкома 1921 г. утвердил систему школьного образования в ЧАО, включавшую в себя 4-летнюю школу I степени (с обучением на чувашском языке, она соответствовала 3-летней русской школе, давала элементарную грамотность и первоначальное общественное воспитание), 6-летнюю школу II степени (предлагала учащимся развивающее образование с приобретением ими трудовых навыков). Поскольку учащиеся Чувашии были не подготовлены к восприятию материала школ II степени, на территории ЧАО допускалось введение школы I степени с 6-летним образовательным курсом³⁰. В результате система школьного образования автономии включала в себя школу I степени, школу-восьмилетку и школу II степени.

В состав русских начальных учебных заведений входили школы I степени — с 4-летним, 5-летним и II степени — с 4-летним курсом обучения³¹. В течение 1920-х гг. в Чувашии проводилась работа по организации процесса обучения на чувашском языке. Было принято постановление о необходимости введения в школах региона родного языка как основного с 1 марта 1922 г. Безусловно, это рассматривалось, как одно из мероприятий, проводившееся в рамках политики коренизации³². Надо сказать, что, в отличие от соседних автономий, в ЧАО школы быстро и успешно переходили к преподаванию на чувашском языке, сказывалась высокая степень этнической составляющей.

Так, например, переход системы образования на марийский язык стал одной из самых серьезных проблем. Дело в том, что формирование национального литературного языка началось лишь с XX в., тогда же стали издавать учебники. Соответственно, не было необходимой учебной литературы и подготовленных местных кадров. Многие педагоги сами плохо владели марийским языком, в результате чего даже в школах I степени учебный процесс на практике переводился на русский язык, не говоря уже о школах II степени и техникумах. Поэтому в течение 1920-х — начала 1930-х гг. здесь возникали трудности при решении задач ликбеза и создании новой школьной системы.

На территории Чувашии по сравнению с соседним регионом становление новой школы проходило более успешно, количество учебных заведений здесь в начале 1920-х гг. заметно увеличилось. И если в 1913 г. в крае насчитывалось всего 463 учебных заведения, а в 1917 г. — 637, то в 1920 г. этот показатель составил 893 единицы. Получается, что за четыре года (1913–1917) количество школ увеличилось на 38 %, а за следующие три — с 1917 по 1920 г. — на 55 %³³. Сам процесс открытия новых учебных заведений способствовал более широкому привлечению детей школьного возраста к образовательному процессу. Тенденция такова, что рост сети учебных заведений происходил главным образом за счет сельских начальных школ, преимущественно с чувашским контингентом учащихся. В то же время следует заметить, что он происходил медленнее, чем предполагалось, объяснение чему заключается в организационных

и материально-технических трудностях: в недостаточности финансовых ресурсов и педагогических кадров. Самой распространенной причиной закрытия школ в холодное время года, по свидетельству архивных источников, являлось отсутствие дров для отопления школьных помещений³⁴. Это касалось всех национальных регионов Среднего Поволжья³⁵. Кроме того, сказывалась общая низкая культура населения, слабое осознание необходимости обучения детей (прежде всего девочек) грамоте, а также объединение малокомплектных школ.

По данным отдела народного образования Марийской АО, в 1921 г. на территории области функционировало всего 453 школы, в которых работали 984 учителя и обучались 31 304 учащихся. Если перевести эти количественные характеристики в качественные, то получается, что в соответствии с общей численностью населения МАО на одну школу приходилось примерно 817 жителей всех возрастов, около двух работников и до 70 учащихся³⁶. Все это свидетельствует о том, что при безграмотности абсолютного большинства населения автономии предстояла значительная работа в сфере образования. По данным переписи 1920 г., доля грамотных здесь составляла всего 23,3 %³⁷.

Проблемы, встречавшиеся на пути развития школьного образования в автономиях Среднего Поволжья, как правило, были общими. В самом начале процесса становления новой школы наиболее остро встал вопрос нехватки помещений. Для его решения представители власти прибегали к передаче домов священников, кулаков, помещиков для размещения в них школьных заведений³⁸. Подобная картина являлась типичной как для ЧАО, так и для Марийской АО.

С 1918 г. в стране начали проводить мероприятия по отделению церкви от школы, вводилось антирелигиозное воспитание. Однако при реализации указанной политики представители власти встретили сопротивление со стороны определенной части населения, и в частности педагогов, как по всей России, так и на территории Среднего Поволжья. На основе изученных архивных документов можно утверждать, что многие родители выражали недовольство и не принимали новые подходы в организации школьного обучения. Это явилось основной причиной, почему они не отпускали детей в школу³⁹. В конечном итоге сопротивление было все же сломлено, и политика по отделению церкви от школы начала проводиться повсеместно.

В 1920–1923 гг., сначала вследствие хозяйственной разрухи, а затем и голода в Среднем Поволжье, учебные заведения региона переживали дополнительные трудности. Ситуация осложнялась и тем, что содержание школ и других культурно-просветительных учреждений переводилось на местный бюджет. В условиях голода средства на содержание школ были сокращены до минимума. Архивный документ «О работе по просвещению чуваш Самарской губернии с 1 января по 1 июля 1922 года» содержит следующий вывод: «школьная сеть сокращается... ввиду голода. Расширение сети с 1922/23 учебного года не предвидится»⁴⁰. Бюро национальных меньшинств при отделе народного образования ЧАО, отчитываясь за 1922 г., особо отмечало, что «школьная сеть начинает сокращаться»⁴¹.

В течение года, с 1 апреля 1921 до 1 мая 1922 г., на территории Чувашской автономии школ I и II ступеней стало меньше на 20 % (из 948 школ осталось

740). Такая же тенденция являлась характерной для численности учащихся и педагогов. Число школьников сократилось более чем на 28 % (67 633 чел. на 1 апреля 1921 г. и 55 465 чел. на 1 мая 1922 г.), а педагогических работников — на 45 % (соответственно 2115 и 1307 чел.)⁴².

Похожая картина наблюдалась и в соседних автономиях. В МАО в течение 1924/25 учебного года в сравнении с предыдущим годом количество школ I ступени уменьшилось на 50 единиц, а в целом школьная сеть области с 1921 г. сократилась примерно наполовину⁴³.

В таких сложных условиях учебные заведения практически не ремонтировались, не говоря уже о постройке новых зданий. Крайне плохо шло снабжение учебными пособиями. В архивных документах отмечается, что в первой половине 1920-х гг. в школах был очень низкий уровень программных требований по предметам⁴⁴. Все это объясняется, прежде всего, тяжелым материальным положением в условиях голода 1921–1922 гг. и его последствий. Учителям приходилось уделять основное внимание не столько проведению учебных занятий, сколько оказанию помощи ученикам. Они участвовали в процессе эвакуации детей в более благоприятные с точки зрения продовольствия районы страны (например, в Москву, Нижний Новгород и др.)⁴⁵.

Крайне сложным было положение самих учителей, о чем, в частности, официально говорилось на II областном съезде работников просвещения Чувашской автономии в 1921 г.⁴⁶ У педагогов не хватало средств содержать себя и семью, поэтому некоторые из них, чтобы выжить в сложных условиях, вынуждены были и оставлять работу, и менять место жительства⁴⁷. Повсеместно у области не хватало средств на ремонт, восстановление помещений, практически отсутствовали письменные принадлежности и учебные пособия⁴⁸. Следует подчеркнуть, что названные трудности в жизнедеятельности школ Чувашской автономии — характерное явление и для соседних регионов.

Со временем ситуация стабилизировалась, постепенно преодолевались последствия голода. Появилась возможность увеличивать расходы на социальное развитие, что привело к заметному оживлению школьного дела. Данные, приведенные в таблице, показывают, что в Чувашской автономии динамика вложений бюджетных средств в школьное образование постепенно становится достаточно внушительной.

Расходы на сферу образования Чувашской автономии в 1920-е гг.

Учебный год	Общая сумма расходов на школьное образование, руб.	Расходы на одного учащегося
1922/23	109211	14 руб. 90 коп.
1924/25	1 151 916	14 руб. 40 коп.
1925/26	2 189 031	18 руб. 10 коп.
1926/27	3 048 099	21 руб. 60 коп.

Составлено по: Культурное строительство в Чувашской АССР: сб. документов: в 2 кн. Кн. 1: 1917–1937 гг. / под ред. В. Л. Кузьмина. Чебоксары, 1965. С. 135; Трофимов А. Т. Народное образование в Чувашии за 15 лет (1920–1935 гг.). Чебоксары, 1935. С. 30.

Таким образом, можно утверждать, что к концу 1920-х гг. ситуация в системе школьного образования не просто налаживалась, но и сделала заметные шаги вперед. В Чувашской АССР, по данным на 1927 г., обучением было охвачено 58,2 % детей школьного возраста (от 8 до 14 лет). По этому показателю регион ушел далеко вперед от средних показателей как по РСФСР (46,1 %), так и СССР в целом (46,6 %)⁴⁹.

Новым явлением в системе образования стало возникновение в стране в изучаемый период школ крестьянской молодежи (ШКМ). В основном они открывались в результате реорганизации школ-восьмилеток, расположенных в сельской местности. На территории ЧАО действовало 10 аналогичных образовательных учреждений.

В Марийской АО удалось приостановить сокращение количества школьных заведений несколько позже, чем это произошло в Чувашии. Здесь только в 1925/26 учебном году количество школ I ступени перестало сокращаться и стало расти число школ-семилеток⁵⁰. Теперь в марийских школах I ступени дети обучались в течение двух первых лет на родном языке, а в последующие два года — смешанно (из-за отсутствия учебников)⁵¹. Следовательно, несмотря на то, что еще в 1923 г. при областном отделе образования Марийской автономии было учреждено специальное подразделение, обязывавшееся курировать вопрос разработки учебников на марийском языке, руководство отдела так и не смогло создать необходимые условия для обучения на национальном языке.

Как уже отмечалось, процесс становления и развития советской школьной системы в автономиях Среднего Поволжья был непростым. Самая серьезная проблема заключалась в недостаточной материальной базе учебных заведений. Кроме того, количество детей школьного возраста в разных уездах и волостях регионов могло сильно отличаться, также был разным уровень успеваемости обучающихся, малое число девочек в школах и т. д. Дальнейшее проведение школьной политики требовало ее модернизации, необходимости использования других, более радикальных средств и методов работы.

Так, во исполнение постановления СНК РСФСР, принятого 22 апреля 1927 г., в Чувашской АССР было решено частично ввести всеобщее обязательное начальное обучение: «дети обоего пола, достигшие к 1 сентября соответствующего возраста — 8–9 лет, обязывались посещать школу I ступени, а дети 10–11 лет принимались в школы, если имелись свободные места. В первую группу зачислялись неграмотные дети, а во вторую и третью, прошедшие курс предыдущих лет обучения»⁵². В 1927/28 учебном году в 47 школах республики уже было введено всеобщее начальное обучение, что составило 5,4 % от общего количества школ. На следующий учебный год этот показатель вырос до 114 школ (12,6 %), а в 1929/30 учебном году составил 209 (20,7 %).

Уже 1 ноября 1927 г. в отчете председателя СНК ЧАССР А. М. Михайлова отмечалось, что «в настоящее время учатся 60 % детей школьного возраста»⁵³. По данным наркома просвещения ЧАССР Е. С. Сергеева, в республике с осени 1930 г. было введено всеобщее обязательное обучение и развернута работа по ликвидации неграмотности и малограмотности⁵⁴.

За высокими количественными показателями часто скрывались серьезные проблемы⁵⁵. По состоянию на начало 1927 г. только половина всех школ располагалась в собственных зданиях, остальные помещались в крестьянских домах, которые не соответствовали гигиеническим требованиям, предъявлявшимся к учебным помещениям. Собрание работников образования, состоявшееся в г. Чебоксары в 1929 г., указывало на необходимость более высокой профессиональной подготовки учителей⁵⁶. Сами педагоги жаловались на отсутствие преемственности между разными типами школ, чрезмерную сложность программ школ II ступени, отмечали необходимость осуществления специальной сельскохозяйственной подготовки и применения более узкой специализации (например, садоводство, животноводство, цветоводство, птицеводство и др.)⁵⁷.

Марийской автономии в течение 1920-х гг. также удалось добиться определенных положительных результатов по созданию советской системы школьного образования. Однако при учете роста грамотности (с 20 % в 1920 г. до 44 % в 1930 г.) безграмотность населения области к началу 1930-х гг. все еще оставалась значительной. Поэтому работа в данном направлении продолжалась. Понимая сложность ситуации, руководство Марийской АО в 1928 г. приняло постановление об ускорении темпов, чтобы ликвидировать неграмотность в трехлетний срок⁵⁸.

Исследуя процессы модернизации системы школьного образования в национальных автономиях Среднего Поволжья в 1920-е гг., можно сделать следующие выводы.

Большевики, придя к власти, начали проводить масштабные мероприятия в сфере школьного образования. В первые годы большое внимание с их стороны уделялось ликбезу и открытию новых учебных заведений. Постепенно создавалась советская школа, которая приобретала характер светского, доступного, бесплатного и всеобщего образовательного учреждения. Теперь общее образование могли получить все, независимо от национальных и религиозных взглядов и убеждений. Кроме того, женщины и мужчины приобрели одинаковые права. В качестве достижений модернизации школьной системы в национальных автономиях Среднего Поволжья на начальном этапе следует назвать создание новых органов управления школой — губернские и уездные отделы народного образования.

При всех позитивных переменах на начальном этапе становления советской школы имелось много трудностей и проблем. К ним следует отнести нехватку зданий и помещений, крайне скудное финансирование образовательного процесса, недостаток учебников и учебных пособий. При достаточно быстрых темпах роста количества учебных заведений в то же время в них катастрофически не хватало учителей. С одной стороны, малочисленность педагогических кадров объясняется тем, что в Советской республике еще отсутствовала налаженная система подготовки педагогов. С другой стороны, в первые годы учителя далеко не всегда соглашались на сотрудничество с новой властью по причине не только неприятия идеологических установок большевиков, но и несогласия с теми средствами и методами, которые новая власть внедряла в систему школьного образования. Следует констатировать, что серьезной ошибкой

большевиков на начальном этапе модернизации школы стал отказ от опыта и достижений дореволюционного отечественного образования. Если классно-урочную систему преподавания и удалось сломать организаторам новой школы, то эффективную альтернативную модель они создать не смогли. Просчеты сопровождали и политику ликбеза. Поэтому в начале 1930-х гг. начинают происходить очередные изменения в деятельности общеобразовательных учебных заведений. Модернизация сферы образования на этом этапе ознаменовалась признанием со стороны советской власти необходимости восстановления традиционных уроков как основной формы проведения учебных занятий в школе.

Другой недостаток советской школы в каком-то смысле является продолжением дореволюционной проблемы — это остаточный принцип финансирования сферы образования. Как известно, без наличия прочной материальной составляющей невозможно полноценное развитие духовной сферы.

На пути модернизации отечественной школы в течение 1920-х гг. были поставлены масштабные задачи: ликвидация неграмотности и осуществление всеобщего начального обучения детей. Важным достижением стало создание национальной школы, где преподавание велось на родном языке. Успешно эта работа осуществлялась в Чувашии. Одним из определяющих факторов в данном вопросе стало использование в школьном образовании на территории края в конце XIX — начале XX в. системы Н. И. Ильминского. Не следует также забывать и о составлении известным просветителем И. Я. Яковлевым чувашского букваря. Поэтому преобразования в школьной сфере, проведенные в 1920-е гг. на территории Чувашской автономии, прошли быстрее и в более мягкой форме. Здесь практически отсутствовали такие примеры серьезного конфликта между местным населением и организаторами образования, как при проведении политики отделения церкви от государства.

В заключение хочется подчеркнуть, что при серьезных ошибках и просчетах на пути модернизации школьного образования в регионах Среднего Поволжья серьезными достижениями стали переход к введению всеобщего начального обучения, а также создание национальной школы.

¹ *Зыкина А. П.* Начальная и средняя школа Чувашского края на рубеже XIX–XX веков // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Петра Владимировича Денисова. Чебоксары, 28–29 сент. 2018 г. Чебоксары, 2018. С. 304.

² Там же. С. 305.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 304–305.

⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Троицкого. Т. 14: Казанская губерния. СПб., 1904. С. 11.

⁶ *Минеева Е. К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 20–30-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2008. С. 7.

⁷ *Ефимов Л. А.* Школьное образование в Чувашии в 1920–2000 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2004; *Ефимов Л. А., Сергеев Т. С.* На пути к всеобщей грамотности населения Чувашии (1917–1941 гг.): учеб. пособие. Чебоксары, 2003. *Минеева Е. К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономий...; *Степанов Н. С.* Очерк истории чувашской советской школы. Чебоксары, 1958.

- ⁸ Декрет ВЦИК и СНК «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» от 9 ноября 1917 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб. документов 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов [и др.]. М.: Педагогика, 1974. С. 9–11.
- ⁹ Об образовании народного комиссариата по просвещению и назначении народным комиссаром А. В. Луначарского // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 20–21.
- ¹⁰ Распоряжения рабочего и крестьянского правительства. 1917–1918 гг. М., 1918. С. 258.
- ¹¹ См.: Зыкина А. П. Начальная и средняя школа Чувашского края на рубеже XIX–XX веков. С. 305.
- ¹² Постановление Народного комиссариата по просвещению. О передаче всех учебных заведений в ведение Народного комиссариата по просвещению // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 386.
- ¹³ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб. документов 1917–1973 гг. С. 12–13.
- ¹⁴ Декрет СНК о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР. 26 декабря 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1942. С. 845–846.
- ¹⁵ Положение о единой трудовой школе РСФСР от 30 сентября 1918 г. // Народное образование. Общеобразовательная школа: сб. документов 1917–1973 гг. С. 133–137.
- ¹⁶ Там же С. 145.
- ¹⁷ Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее — ГИА ЧР). Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 382. Л. 26.
- ¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. А-296. Оп. 1. Д. 16. Л. 86.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Государственный архив Республики Татарстан (далее — ГА РТ). Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 192. Л. 10.
- ²¹ Там же. Л. 10 об.
- ²² Государственный архив Ульяновской области (далее — ГА УО). Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 24. Л. 99.
- ²³ Там же. Д. 5. Л. 85–86.
- ²⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.
- ²⁵ Они боролись за счастье народное: сб. очерков / редкол.: С. М. Ислюков и др. Чебоксары, 1985. Вып. 3. С. 123.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 2. Д. 16. Л. 80 об.
- ²⁷ ГИА ЧР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 29 а. Л. 1.
- ²⁸ Государственный архив Республики Марий Эл (далее — ГАРМЭ). Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 6. Л. 65.
- ²⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 2. Д. 9. Л. 44.
- ³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
- ³³ Минеева Е. К. Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918–1925 годы). Чебоксары, 2007. С. 113.
- ³⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 420. Л. 11.
- ³⁵ ГА УО. Д. 101. Л. 55 об.
- ³⁶ ГАРМЭ. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 7а. Л. 66.
- ³⁷ Там же. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 510. Л. 50.
- ³⁸ Там же. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 6. Л. 65.
- ³⁹ ГА УО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 101. Л. 55 об.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 16. Л. 65.
- ⁴¹ Там же. Л. 85.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ ГАРМЭ. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 404. Л. 36 об. — 37.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 16. Л. 80 об.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 5462. Оп. 3. Д. 81. Л. 119.

- ⁴⁷ Там же. Л. 118.
- ⁴⁸ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 16. Л. 85.
- ⁴⁹ *Изоркин А. В., Клементьев В. Н., Александров Г. А.* История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. Кн. 1: 1917–1945. Чебоксары, 2001. С. 120.
- ⁵⁰ ГАРМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 315. Л. 101.
- ⁵¹ Там же. Л. 101–102.
- ⁵² ГИА ЧР. Ф. Р-1752. Оп. 1. Д. 1. Л. 324.
- ⁵³ Культурное строительство в Чувашской АССР. Кн. 1. С. 151.
- ⁵⁴ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 5. Д. 124. Л. 1.
- ⁵⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-1752. Оп. 1. Д. 1. Л. 362.
- ⁵⁶ Государственный архив социальной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 2851/753. Оп. 2. Д. 2. Л. 232.
- ⁵⁷ Там же. Л. 232 об.
- ⁵⁸ ГАРМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 728. Л. 1.

Статья поступила в редакцию 22 декабря 2021 г.

Рекомендована к печати 21 августа 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Минеева Е. К., Зыкина А. П., Иванова Т. Н. Модернизация системы школьного образования в национальных автономиях Среднего Поволжья в 1920-е гг. // *Новейшая история России.* 2022. Т. 12, № 4. С. 984–998. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.410>

Аннотация: Преобразования советской власти в первые годы ее существования всегда привлекали внимание ученых. Наиболее актуальными аспектами темы на сегодняшний день являются создание новых органов власти в регионах, формирование этнической элиты, преподавание национальных языков в России, функционирование общеобразовательных школ в национальных районах страны и др. Школьное образование традиционно являлось важнейшей сферой в истории каждого народа и региона. Официальная власть часто использовала школу в своих интересах, для проведения определенной политики и управления территорией. Целью работы является изучение модернизационных процессов в сфере школьного образования, которые проводились в автономиях Среднего Поволжья на протяжении 1920-х гг. В сравнительном аспекте данная проблема ранее не рассматривалась в отечественной историографии. Исследование выполнено главным образом на основе анализа разноплановых источников, в особенности архивных материалов. На примере национальных автономных образований — Марий Эл и Чувашии — показаны как общие тенденции, так и отличительные черты, которые имелись в ходе становления новой советской школьной системы. Можно утверждать, что образовательная политика 1920-х гг. оказалась не в полной мере состоятельной, поскольку радикальные преобразования того периода времени привели к крайне нежелательным последствиям. Из положительных итогов становления новой школы и политики модернизации в сфере образования можно назвать количественные изменения, ознаменовавшиеся ростом числа учебных заведений, численности учителей и контингента учащихся. Провозглашенная в 1920-е гг. советской властью политика ликбеза также до конца не была доведена. Причинами неудач стали как объективные (последствия Гражданской войны, голод, недостаточное финансирование сферы образования), так и субъективные (недовольство населения отдельными мероприятиями в области школьного дела, отказ отдельных педагогов сотрудничать с новой властью и др.) факторы. В результате в начале 1930-х гг. курс советского правительства в отношении общеобразовательной школы был серьезно пересмотрен.

Ключевые слова: образование, СССР, модернизация, советская школа, ликбез.

Сведения об авторах: *Минеева Е. К.* — д-р ист. наук, проф., Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова (Чебоксары, Россия); mineevaek21@mail.ru | *Зыкина А. П.* — канд. пед. наук, доц., Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова (Чебоксары, Россия); alevtina-pet@mail.ru | *Иванова Т. Н.* — д-р ист. наук, проф., Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова (Чебоксары, Россия); tivanovan@mail.ru

Чувашский государственный университет им. И.Н.Ульянова, Россия, 428015, Чебоксары, Московский пр., 15

FOR CITATION

Mineeva E. K., Zykina A. P., Ivanova T. N. 'Modernization of the School Education System in the National Autonomies of the Middle Volga in the 1920s', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, 2022, pp. 984–998. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.410> (In Russian)

Abstract: School education has traditionally been the most important area in the history of every nation and region. The official authorities often used the school to their advantage, to carry out certain policies and manage the territory. The aim of the work is to study the modernization processes in the field of school education, which were carried out in the autonomies of the Middle Volga region during the 1920s. In the comparative aspect, this problem has not been previously considered in Russian historiography. The study was carried out mainly on the basis of the analysis of diverse sources, especially archival materials. Using the example of such national autonomous entities as Mari El and Chuvashia, both general trends and distinctive features that existed during the formation of the new Soviet school system are shown. It can be argued that the educational policy of the 1920s was not fully sound, since the radical transformations of that time period led to extremely undesirable consequences. Among the positive results of the formation of a new school and the modernization policy in the field of education, we can name quantitative changes marked by an increase in the number of educational institutions, the number of teachers and the contingent of students. The policy of the educational program, proclaimed in the 1920s by the Soviet government, was also not brought to the end. The reasons for the failures were both objective (the consequences of the Civil War, famine, insufficient funding for education) and subjective (public dissatisfaction with certain measures in the field of school affairs, the refusal of individual teachers to cooperate with the new government, etc.) factors. As a result, in the early 1930s, the course of the Soviet government in relation to secondary schools was seriously revised.

Keywords: education, USSR, modernization, Soviet school, likbez.

Authors: Mineeva E. K. — Dr. Sci. in History, Professor, I. N. Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russia); mineevaek21@mail.ru | Zykina A. P. — PhD in Pedagogy, Associate Professor, I. N. Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russia); alevtina-pet@mail.ru | Ivanova T. N. — Dr. Sci. in History, Professor, I. N. Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russia); tivanovan@mail.ru

I. N. Ulyanov Chuvash State University, 15, Moskovsky pr., Cheboksary, 428015, Russia

References:

- Efimov L. A. *School education in Chuvashia in 1920–2000* [Doctor of History Dissertation] (Saransk, 2004). (In Russian)
- Efimov L. A., Sergeev T. S. *On the way to universal literacy of the population of Chuvashia (1917–1941)* (Cheboksary, 2003). (In Russian)
- Izorkin A. V., Klementyev V. N., Alexandrov G. A. *The history of Chuvashia of modern times*, in 2 books, book 1: 1917–1945 (Cheboksary, 2001). (In Russian)
- Mineeva E. K. *Formation of the Mari, Mordovian and Chuvash autonomies in the 20s–30s of the 20th Century* [Doctor of History Dissertation] (Cheboksary, 2008). (In Russian)
- Mineeva E. K. *People's Commissariat of the RSFSR and the formation of the autonomy of the Chuvash people 1918–1925* (Cheboksary, 2007). (In Russian)
- Stepanov N. S. *Essay on the history of the Chuvash Soviet school* (Cheboksary, 1958). (In Russian)
- Trofimov A. T. *Public education in Chuvashia for 15 years (1920–1935)* (Cheboksary, 1935). (In Russian)
- Zykina A. P. 'Primary and secondary school of the Chuvash region at the turn of the XIX–XX Centuries' in *Narody Volgo-Ural'ya v istorii i kul'ture Rossii: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 28–29 sentyabrya 2018 g.)* (Cheboksary, 2018). (In Russian)

Received: December 22, 2021

Accepted: August 21, 2022